

ДЖОН
ПЕРРИ

ЭРА ВЕЛИКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

ИСТОРИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ МОРСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ
К НЕИЗВЕДАННЫМ КОНТИНЕНТАМ

в XV—XVII веках

Джон Перри

**Эра великих географических
открытий. История
европейских морских
экспедиций к неизведанным
континентам в XV—XVII веках**

«Центрполиграф»

1963

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

Перри Д.

Эра великих географических открытий. История европейских морских экспедиций к неизведанным континентам в XV—XVII веках / Д. Перри — «Центрполиграф», 1963

ISBN 978-5-9524-5394-4

Известный британский ученый профессор Джон Перри представляет историю европейских географических исследований и открытий, развития торговли и поселений за пределами Европы с начала XV до конца XVII века. Это была эра, когда Европа открывала для себя мир за пределами своей территории. Она началась с Генриха Мореплавателя и португальских путешествий и закончилась 250 лет спустя, когда «разведка» была почти завершена. Профессор Перри рассматривает политические, экономические и религиозные стимулы, побудившие европейцев к исследованиям и завоеваниям, а также анализирует природу и проблемы их поселений на колонизированных землях. Автор обращает внимание на то, что эта эпоха стала свидетелем не только самого быстрого распространения географических знаний в Европе, но и началом тесной связи чистой науки и техники с практической жизнью. И отмечает, что именно в этот период, особенно во второй его половине, европейские ученые наметили контуры физической Вселенной, которую мы знаем. Старинные гравюры добавляют информации и украшают повествование.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-9524-5394-4

© Перри Д., 1963
© Центрполиграф, 1963

Содержание

Введение	7
Часть первая	18
Глава 1	18
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Джон Перри
Эра великих географических
открытий. История европейских
морских экспедиций к неизведанным
континентам в XV—XVII веках

John Parry

THE AGE OF RECONNAISSANCE

DISCOVERY, EXPLORATION AND SETTLEMENT

1450–1650

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2019

Введение

Между серединой XV и концом XVII в. европейцы научились думать о мире в целом и обо всех морях как об одном. Уроки были почерпнуты из опыта и отчетов очевидцев. За эти два с половиной века европейские исследователи посетили большинство обитаемых регионов земного шара; почти до всех из них в действительности можно было добраться по морю. Они обнаружили обширные территории, ранее неизвестные им, и сделали приблизительные наброски очертаний мира, который мы знаем. Этот период, особенно его первая половина, обычно называют эпохой Великих географических открытий – и на это есть основания. Однако географические исследования являются лишь одним из многочисленных видов открытий. Эта эпоха была свидетелем не только самого быстрого расширения географических знаний на протяжении всей европейской истории, но и первых крупных побед практических исследований над авторитетами, зарождения той тесной связи чистой науки, технических и прикладных наук и каждодневной работы, являющейся неотъемлемой чертой современного западного мира. На протяжении этого периода, особенно его второй половины, европейские ученые сделали наброски очертаний физической вселенной, которые, в общих чертах, признаны обычными образованными людьми нашего времени, и сформулировали законы, выведенные из движения и взаимодействия ее частей. Все открытия в любой форме, все оригинальные мысли в любой форме некоторым образом связаны, хотя и отдаленно: вполне естественно видеть связь между этими конкретными формами. Моряку, исследовавшему не нанесенные на карту моря, была нужна помощь знающих людей, особенно сведущих в математике, астрономии и естествознании, а также – хотя это пришло позже – в медицине. Естествоиспытатель, видя успехи географических исследований (самые практические из всех форм исследований и самые разрушительные по чисто априорным соображениям), естественно, получал стимул к дальнейшим исследованиям в избранной им области. К обоим видам открытий побуждали труды философов, стихи поэтов и произведения памфлетистов.

Связь, безусловно, была; но ее природа была и сложной, и неуловимой одновременно. Современный историк, привыкший делать в результате поисков открытие как плод исследований, подвержен искушению и преувеличивать, и предвосхищать его. В настоящее время все с уверенностью ожидают, что каждое десятилетие будет приносить новые важные дополнения к растущей сумме человеческих знаний. В XV и XVI вв. люди – даже образованные – не были в этом так уверены. Интеллектуальный настрой XVI в. был особенно консервативным и полным почтения к авторитетам. Даже имея перед глазами доказательства того, что мореплаватели находят земли, о существовании которых они не знали и не подозревали, ученые мужи медленно проводили аналогии в других предметных областях. Мысль о том, что за горизонтами классических представлений, древней философии и религиозных учений лежит некая Америка – бездна знаний, которую предстоит изучить и понять, в те годы была еще нова и удивительна; ее разделяло сравнительно небольшое число людей. Естествоиспытатели в меньшей степени были озабочены исследованиями, а в большей – попытками дать точное и непротиворечивое объяснение известным явлениям. Важно, что Коперник – наверное, самая незаурядная личность в науке XVI в. – приходил к своим важным умозаключениям благодаря смеси рассуждений и интуиции и почти не делал попыток проверить свои гипотезы путем реальных наблюдений. В Европе первое большое астрономическое исследование, основанное на тщательных и подробных наблюдениях на протяжении большого периода времени, было предпринято в конце XVI в. – начале XVII в. несговорчивым и неуправляемым энтузиастом Тихо Браге и Иоганном Кеплером – гениальным математиком, в руки которого по счастливому стечению обстоятельств попала масса сырого материала от Тихо

Браге. До конца изучаемого нами периода – безусловно, до периода, когда жили и работали Браге и Кеплер, научные исследования в целом имели тенденцию оставаться гипотетическими и умозрительными, быть больше связанными с умозрительными построениями, чем с точными наблюдениями и экспериментами. Более того, ученые все еще должны были быть осторожными, чтобы не подвергнуться обвинениям в ереси – опасность, которой они обычно избегали, придавая форму гипотез выводам, которые они в некоторых случаях на самом деле считали доказанным фактом. У Галилея трудности с церковными властями возникли главным образом из-за его пренебрежения элементарными мерами предосторожности. В таких обстоятельствах науку и технику, интуицию и опыт, эксперимент и повседневные умения можно было лишь очень и очень постепенно соединять воедино, чтобы они озарили друг друга.

В настоящее время бытует распространенная точка зрения, по крайней мере среди образованных людей, что знания не только могут бесконечно расширяться, но и все такие расширения потенциально полезны – все новые знания так или иначе рано или поздно будут использованы на практике. С другой стороны, сравнительно многие полагают, что технический подход не должен тормозить фундаментальные исследования; наоборот, он может оказаться плодотворным при рассмотрении проблем чисто теоретического характера. Он может помочь исследователю в естественных или общественных науках при решении фундаментальной задачи выбора тем исследования и дисциплинирует его склонность к теоретизированию, заставляя его подчинять свои теории определенным критериям четкости и проверяемости. Эти идеи и предположения тоже были чужды интеллектуальной атмосфере рассматриваемой эпохи. Тогда наука была очень далека от того, чтобы ее использовали в целях развития техники, как о том иногда говорят в наши дни или как это должно быть, по мнению некоторых. Возможно, благодаря именно этому она приобрела самобытность и интуитивную силу, но непосредственная польза от нее была ограниченной, и еще меньше от нее ожидали люди-практики. Научные открытия, обладавшие явно практической ценностью, были второстепенными, часто случайными. Система взаимных ограничений и стимулов между чистой наукой и техникой – обычное подчинение теорий критериям четкости и проверяемости – действовала лишь в очень ограниченных областях. Географические исследования со связанными с ними искусством навигации и картографией были не просто главной сферой человеческих устремлений, в которой научные открытия и каждодневные технические приемы оказались в тесной смычке еще до середины XVII в.; за исключением искусства ведения войны и военного инженерного искусства и (в очень ограниченной степени) медицинской практики, это была почти единственная сфера их приложений – отсюда и их огромное значение в истории науки и научной мысли. Даже в этой области связь устанавливалась медленно и трудно. Моряки и исследователи получали лишь жалкие крохи со стола философов и ученых. Элементарные действия арифметики, естественно, были одними из первых, которым они научились и которые применяли. Арифметика, освободившая человека от зависимости от абака (счетной доски), стала практичной благодаря арабским цифрам, впервые появившимся в Европе в учебнике арифметики Леонардо Пизанского в начале XIII в. Леонардо был выдающимся человеком, он много путешествовал, будучи родом из купеческой семьи и думал о практических нуждах людей. Его книга вела читателя до тройного правила. Он услужливо написал также и учебник по геометрии и ее применению к измерениям. Позднее дошла очередь и до тригонометрии плоского прямоугольного треугольника – простого и необходимого инструмента для навигационного счисления пути, но который медленно находил свое регулярное применение в жизни. Влияние астрономии началось еще позже. Сначала долгое время считалось, что лишь простейшие небесные явления – явная неподвижность Полярной звезды и движение Солнца относительно Земли – имеют какое-то практическое значение для людей, путешествующих по океану. И лишь в XV в. развился метод их использования. Долгое время после этого великие открытия продолжали ограничиваться миром науки. Влияние Коперника на развитие астрономии было огромным. Его влияние на

развитие искусства мореплавания было ничтожно мало. Галилей сделал огромный косвенный вклад в развитие мореходства, но – по крайней мере в наши дни – не благодаря своим астрономическим рассуждениям и наблюдениям. Именно его труд в области оптики, способствуя изготовлению инструментов, в конечном счете, упростил и уточнил задачу мореплавателя. Тот факт, что изобретение телескопа, давшее возможность оценивать относительные расстояния между небесными телами, произвело революцию и в астрономии, с точки зрения моряков того времени, был несущественным. Точно так же мореплавателей едва ли – и то лишь косвенно – коснулось громогласное заявление Кеплера, прозвучавшее во введении к «Новой астрономии», о том, что Земля «круглая, населена антиподами самой незначительной величины и быстро летит среди звезд».

Если открытия и гипотезы ученых лишь иногда и случайно оказывались полезными для моряков, то большинство моряков – иногда даже бороздящие моря исследователи и составители учебников по навигации – со своей стороны были скептически настроены и невосприимчивы к научным идеям. В те времена моряки в гораздо большей степени, чем в наши дни, были обособленной породой людей, практичных и консервативных, применявших традиционные приемы и полагавшихся на накопленный опыт. Но это не означает, что мы преуменьшаем их умения или опыт. Гидрография и лоцманское дело развивались в позднем Средневековье постепенно. Задолго до XV в. у моряка имелись морские карты и лоции хорошей точности для известных торговых путей в Средиземном и Черном морях и у берегов Западной Европы, а также инструменты – рихтовальная линейка и циркуль-измеритель, компас и лотлинь – достаточно точные, чтобы прокладывать курс и идти этим курсом по таким картам. Карты, средневековые лоции и инструменты, однако, годились лишь для ограниченного пространства и относительно коротких переходов по привычным торговым путям. Информация о мире, находящемся за пределами этого пространства, и советы, как плыть по широким просторам океана, можно было почерпнуть только из книг. И моряки, традиционно с недоверием относившиеся к книжным знаниям, впитывали их очень медленно. Даже арифметика, элементарная арифметика Леонардо Пизанского, если привести простой пример, очень медленно приживалась в их среде. Для коротких, уже известных отрезков путей в ней не было необходимости. В середине XVI в. отчеты о корабельных запасах, записи о пройденных расстояниях все еще часто велись с помощью римских цифр. Более того, большинство моряков, естественно, не горели желанием уходить со знакомых торговых путей, на которых они зарабатывали себе на жизнь, если только не видели в этом явных преимуществ. Даже великие первооткрыватели XV и XVI вв. не имели своей главной целью сделать открытие ради открытия. Их главная цель и главная задача, возложенная на них посланными их правителями и инвесторами, состояла в том, чтобы связать Европу или конкретные европейские страны с другими регионами, которые, как было известно или считалось, имели большое экономическое значение. Открытие далеких неведомых островов и континентов, подобно многим научным открытиям, происходило случайно, зачастую неожиданно. Иногда оно было явно нежеланным. В XV и XVI вв. таким в некоторой степени случайным путем был накоплен огромный объем географических знаний; но эти знания, несмотря на (или по причине) свой огромный объем, были по-прежнему приблизительны и схематичны. По большей части они охватывали только береговые линии, исследованные в общих чертах, и гавани. Знаниям не хватало точности и единства; оставалось много пробелов, и продолжали существовать некоторые долголетние мифы. В истории открытий в широком смысле слова изучаемый нами период был периодом осторожных, прощупывающих, хотя и выдающихся, начинаний. «Эпоха разведывательных исследований» – такое название кажется для нее самым подходящим.

Даже желая обратиться к книгам за помощью, первые первопроходцы-разведчики этой эпохи имели мало таких руководств. Книги о мире за пределами Европы, доступные европейцам в начале XV в., можно грубо поделить на две категории: научные трактаты и рас-

сказы путешественников. Рассказы путешественников включали как отчеты настоящих путешественников, так и придуманные небылицы. И те и другие повествовали главным образом об Азии и очень поверхностно об Африке. Первые походы скандинавов в Гренландию и Северную Америку оставили даже в Скандинавии лишь смутную память, сохранившуюся в эпических сказаниях. В других местах о них не было известно, и они не оказывали влияния на развитие разведывательных исследований. Путешествия в Африку были записаны чуть лучше. Отчеты великих арабских путешественников – Масуди, Ибн Хаукаля, аль-Бакри, Ибн Баттуты – были неизвестны европейцам в оригинале, но следы их влияния появлялись в Европе время от времени. Идриси (ал-Идриси), который писал, находясь на норманнской Сицилии в XII в., передал обрывки арабских знаний в Западную Европу. Большая часть этой информации была не только неточной, но и с точки зрения морехода-исследователя явно обескураживающей. Масуди, например, достаточно точно описывал посещенные им места, но в отношении всего, что выходило за эти рамки, полагался на слухи и догадки. Он полагал, что «зеленое море тьмы» (Атлантический океан) не судоходно, а холодные и знойные регионы Земли необитаемы. Этой его точке зрения следовали и многие авторы более позднего периода – как мусульмане, так и христиане. Каналом более реальной информации была школа еврейских картографов и мастеров-инструментальщиков на Мальорке во второй половине XIV в. Иберийские евреи занимали удачное положение посредников между христианским миром и мусульманским, а у евреев с Мальорки были особые преимущества благодаря связи через Арагон с Сицилией и своим торговым связям в Магрибе. Им были знакомы рассказы и арабских, и – уж какими бы они ни были – европейских путешественников об Африке. Знаменитый Каталанский атлас, созданный на Мальорке Авраамом Крескесом приблизительно в 1375 г., был, наверное, самым лучшим и точным и уж, безусловно, самым красиво оформленным собранием средневековых морских карт в практике мореходного дела. Оно представляет собой первую и на протяжении долгого времени единственную попытку приложить средневековые гидрографические методы к миру за пределами Европы. В дополнение атлас содержит и значительный объем информации о территориях, удаленных от морей. В него входит тщательно выписанный портрет Мансы Мусы – верховного правителя из династии королей народа мандинго XIV в. В атласе Тимбукту (Томбукту) находится приблизительно на правильном месте, и рядом с ним изображено озеро, из которого вытекает одна река – явно Сенегал, которая течет на запад к морю, а другая река – очевидно, Нигер – течет на восток, чтобы соединиться с Нилом. Этот предположительно непрерывный водный поток был замечен в атласе португальскими вдохновителями исследований в последующих веках.

В отношении Азии европейцы меньше зависели от арабских источников; рассказы путешественников, имевшиеся в их распоряжении, были более многочисленны и подробны. Однако они были даже еще более устаревшими. Большинство из них были написаны в конце XIII – начале XIV в. во время самой длинной передышки в противостоянии христианского мира давлению мусульман на его восточной и южной границах между VII и XVII вв. Этой передышкой он обязан не усилиям армий крестоносцев и не вмешательству пресвитера Иоанна из средневековой легенды, а завоеваниям Чингисхана. Быстрые и опустошительные походы монгольской конницы на огромных просторах привели к возникновению империи, которая охватила Китай, большую часть Центральной Азии и Восточной Европы. Преемники Чингисхана – монголо-татарские ханы были терпимы в религии, желали торговать, интересовались миром, лежавшим за пределами их обширных владений. Их власть была в достаточной степени эффективной, чтобы путешествие было безопасным для тех, кто находился под их защитой. На протяжении чуть более ста лет европейцы могли путешествовать на Дальний Восток, и некоторые это делали. В 1245 г. францисканский монах Джованни Плано Карпини был отправлен папой римским с миссией к великому хану в его стан – столицу Каракорум в Монголии. Другой монах, Гийом де Рубрук, предпринял аналогичное путешествие в 1253 г. Венецианские купцы

Николо и Маффео Поло отправились в 1256 г. в путешествие, которое в конечном счете привело их в Пекин, который незадолго до этого монгольские ханы сделали своей постоянной столицей; в 1271–1273 гг. они возвратились туда с сыном Николо Марко и пробыли там до 1292 г. В начале XIV в. другие священнослужители – Джованни из Монтекорвино, Одорико Порденоне, Андрей из Перуджи, Журден де Северак, Джованни Мариньоли, если упоминать только самых известных, посетили Китай (некоторые попали в него с побережья Индии) и написали рассказы о своих путешествиях. Существование справочника купца середины XIV в., содержащего подробное описание средне- и дальневосточных торговых путей, наводит на мысль о том, что значительное число переезжающих с места на место купцов, которые не оставили сохранившихся записей, совершали аналогичные поездки. Все эти приезды и отъезды европейских путешественников резко прекратились в середине XIV в. «Черная смерть» (эпидемия чумы), пронесшаяся по Азии и Европе, временно положила конец большинству дальних путешествий. Нашествие еще одной конной орды грабителей – турок-османов, которые приняли ислам и начали священную войну против христианства, воздвигло еще одну преграду между Востоком и Западом. Наконец монгольская империя распалась. В 1368 г. потомки Хубилай-хана были свергнуты с их трона в Пекине, где их сменила местная китайская династия Мин¹, представители которой вернули традиционные официальные нелюбовь и презрение к «западным варварам». Монголо-татарские ханы, со своей стороны, в основном приняли ислам² и не предпринимали попыток восстановить разрушенные связи. Так что в XV в. Европа почти полностью полагалась на труды авторов XIII в. и их знания Дальнего Востока.

Из всех повествований об Азии, написанных средневековыми путешественниками-европейцами, «Путешествие» Марко Поло самое лучшее, полное и информативное. Его долгое проживание в Пекине, привилегированное положение, которого он достиг как доверенное лицо на службе Хубилай-хана, миссии, которые на него возлагались во многих отдаленных друг от друга уголках владений хана, – все это, вместе взятое, дало ему уникальную возможность собирать информацию. Он был старательным, хотя и не очень проницательным наблюдателем; обладал хорошей памятью и талантом описывать то, что видел, просто, доходчиво и подробно. Когда он писал о том, что слышал, но не видел, то сохранял в целом здравый скептицизм. Его рассказы основаны на фактах, не сфальсифицированы и, насколько можно судить, точны. Они в достаточной степени лишены абсурда и чудес, которые доставляли удовольствие средневековым читателям и составляли основу литературы о путешествиях того времени. «Путешествие» читала широкая публика, с нее делали копии. Без сомнения, эта книга была источником информации об Азии, представленной в Каталонском атласе, который был одним из совсем немногих сборников карт, предназначенных для использования на практике, типа портулана, чтобы включать такую информацию. Однако превосходство «Путешествия» над другими произведениями того времени на аналогичные темы не было повсеместно или немедленно признано. «Путешествия» Одорико Порденоне пользовались такой же популярностью в XIV в. Одорико лучше, чем Марко, описывает обычаи китайцев, и его произведения чаще оживляют рассказы о чудесах и диковинках. Важно, что по своей популярности обе книги уступили знаменитому сборнику выдуманных рассказов о путешествиях «Приключения сэра Джона Мандевиля». Ничто не иллюстрирует географическое невежество европейцев лучше, чем неспособность читающей публики в течение долгого времени проводить различие между рассказами Марко Поло как рассказами очевидца и ложными чудесами Мандевиля как между источником серьезной информации и развлечением. Описания Марко Поло черных камней, которые китайцы жгли как топливо, было принято не с большим и не меньшим доверием, чем описания

¹ Монголов свергло восстание «красных повязок» (с 1351 г.). Восставшие – «красная армия» («хун цзюнь») – взяли в 1356 г. Нанкин, а в 1368 г. бывший служка буддийского монастыря Чжу Юаньчжан провозгласил себя императором и основал династию Мин. (Здесь и далее примеч. ред.)

² Не все – в Монголии утвердился ламаизм.

Мандевилем людей с собачьими головами. Мандевиль сыграл свою роль в разведывательных исследованиях, так как, наверное, ни одна книга не возбудила большего интереса к путешествиям и открытиям и не сделала больше для популяризации идеи о возможном кругосветном путешествии. Однако постепенно, по мере того как начались серьезные поиски морского пути в Индию, уникальная ценность «Путешествия» Марко Поло как надежного источника информации стала общепризнанной среди более проницательных любителей географии. Эта книга повлияла на большинство первопроходцев эпохи разведывательных исследований. Португальский принц Энрике Мореплаватель (Генрих) читал ее в рукописи. Она была напечатана в Гауде в 1483 г. и не раз еще после. У Колумба имелся ее печатный экземпляр. Описание Марко Поло огромных, тянувшихся с востока на запад просторов Азии и его упоминание Японии, расположенной к востоку от китайского побережья, возможно, способствовали формированию географических представлений у Колумба; по крайней мере, она оказала им сильную поддержку. Во времена Колумба это по-прежнему было самое лучшее повествование о Дальнем Востоке, доступное европейцам; но так как в нем описывалась политическая ситуация, которая давно уже изменилась, оно неизбежно вводило в заблуждение, равно как и воодушевляло.

Марко Поло и путешественники вообще имели очень небольшое влияние на ученых-географов и космографов в более позднем Средневековье, настолько широка была пропасть между теорией и знанием. Научные трактаты, доступные европейцам, распадаются, как и рассказы путешественников, на две большие группы: трактаты, написанные в чисто схоластической традиции, черпающие информацию главным образом из библейских источников и произведений отцов церкви и горстки древних авторов, давно принятых и уважаемых; и трактаты, которые использовали недавно открытые труды древней науки, попавшие в Европу главным образом путем перевода с арабского. О первой группе нечего сказать; ведь как «Путешествие» Марко Поло и аналогичные книги о путешествиях имели свои картографические аналоги в Каталонском атласе и других картах типа портелана, так и схоластические географии имели свои аналоги в огромных *mappe-mundi* (картах мира), таких как Херефордская и Эбсторфская карты, с центром в Иерусалиме и симметрично расположенными континентами – всеохватные по масштабу, великолепные в исполнении и бесполезные для практических целей. Симметрия и ортодоксальность, а не научная достоверность вообще были руководящими принципами этих трудов. Самым важным – на самом деле почти единственным – отходом от этой традиции до начала XV в. была географическая часть трактата Роджера Бэкона *Opus Majus* 1264 г. Для своего времени – Бэкон был необычайно широко знаком с арабскими авторами. На основе литературных данных он полагал, что Азия и Африка простираются на юг за экватор и (в противоположность утверждениям Масуди и его последователей) зона с жарким климатом обитаема. И в своих специфических географических воззрениях, и в своем объективном подходе к научным проблемам в целом Бэкон был почти единственным среди ученого сообщества. Однако не совсем единственным, так как он оказал очень сильное влияние на последнего великого географа-схоласта, труд которого не только подводил итог лучших идей Средних веков, но и устанавливал важную связь с более поздними событиями. Книга *Imago Mundi* кардинала Пьера д'Альи – ведущего географа-теоретика своего времени – была написана приблизительно в 1410 г. Это обширный кладезь знаний Библии и Аристотеля, имеющий небольшое отношение к опыту путешествий – автор этой книги не знал ничего, например, о Марко Поло. Д'Альи был плодовитым писателем на многие темы; его труды пользовались огромным авторитетом среди ученых. Книга *Imago Mundi* оказывала широко распространенное влияние на протяжении всего XV в. Она была напечатана в Левене (Лувене) приблизительно в 1483 г. Экземпляр этой книги Колумба с его собственноручными пометками на полях хранится в библиотеке Коломбина в Севилье. Как и все теоретики, с которыми был согласен Колумб, д'Альи преувеличивал протяженность Азии с востока на запад и соотношение суши и моря на земном шаре. Часть его трактата на эту тему была скопирована почти слово в слово с трактата

Бэкона *Opus Majus*. Помимо влияния на Колумба, главный интерес д'Альи состоит в том, чтобы познакомиться шире, чем его предшественники, даже Бэкон, с арабскими и малоизвестными классическими авторами. Он сравнительно мало использовал их труды; он хорошо был знаком, например, с *Almagest* Птолемея, но там, где возникали противоречия, он ставил выше авторитет Аристотеля и Плиния. Тем не менее, несмотря на весь свой схоластический консерватизм, д'Альи был вестником возвращения ряда новых волнующих произведений классики и географических трудов, на написание которых они вдохновили.

На протяжении эпохи разведывательных исследований обычный образованный человек считал, что древние были более культурными людьми, более изящно себя вели и выражали свои мысли, были более дальновидными при ведении дел, чем его современники; за исключением религиозной сферы (большим исключением, надо сказать), он считал их более образованными. В начале рассматриваемого нами периода, в середине XV в., эта вера была общепринятой и в целом обоснованной, но еще больше она была такой в изучении географии. Древние действительно лучше знали географию и космографию, чем европейцы в XV в. Верно то, что некоторые древние авторы – Плиний и Макробий, например, произведения которых широко читали в Средние века, пересказывали информацию чуть более достоверную, чем информация сэра Джона Мандевиля. Но в начале XV в. читателям было так же трудно различать Плиния и, скажем, Страбона, как и Мандевиля и Марко Поло. Для ученых путь к более ясному пониманию, естественно, вел к более всестороннему изучению, более осторожному толкованию всех относящихся к делу древних произведений, которые могла открыть наука. И на самом деле в области географии изучение в XV в. забытых или до сих пор неизвестных классических авторов было щедро вознаграждено. Оно открыло Европе краткий географический справочник Страбона о мире того времени и, что более важно и оказало большое влияние, «Географию» Клавдия Птолемея.

Птолемей писал свои произведения в середине II в. нашей эры. Во времена наибольшего расширения Римской империи было естественно появление спроса на полное описание самой империи и «ойкумены», главную часть которой она, как казалось, составляла. Птолемей намеревался в своих произведениях суммировать все географические и космографические знания своего времени. Сам он не был ни первооткрывателем, ни каким-то особенно оригинальным мыслителем, а просто старательным компилятором. Он унаследовал и использовал труды немало количества греческих географов, математиков и астрономов, многие из которых жили и работали с ним в одном городе – Александрии. Его слава покоится на двух трудах: «Географии» и «Астрономии», известной обычно под своим арабским названием «Альмагест» («Величайший»). Обе книги были хорошо известны и высоко ценились в Средние века среди арабских ученых, которые были самыми прямыми наследниками классических греческих знаний. Это была книга для ученого-практика, служившая скорее эзотерическим целям астрологии, нежели удовлетворению научной любознательности вообще, а еще меньше – помогавшая ориентироваться в море. В ней была подробно изложена простая и прекрасная картина прозрачных концентрических сфер Аристотеля, вращающихся вокруг Земли и несущих на себе Солнце и звезды, и добавлена чрезвычайно замысловатая и своеобразная система круговых траекторий и эпициклов, чтобы объяснить необычные движения планет и других небесных тел относительно Земли. В XII в. «Альмагест» был переведен на латинский язык Герардом Кремонским, увлеченно изучавшим арабские научные знания в Толедо. В течение XIII в. книга стала известна и получила признание научного мира схоластов, хотя ее меньше понимали и гораздо меньше переворачивали с ног на голову, чем собственные произведения Аристотеля, большая часть которых достигла Западной Европы приблизительно в это же время и теми же путями. Система Аристотеля – Птолемея с ее небесными сферами и эпициклами оставалась, хотя и во многих вариантах, общепринятой академической картиной мира до тех пор, пока Коперник, не доверяя ее чрезмерно напряженной сложности, не начал в XVI в. ее разрушать.

Однако косвенное влияние «Альмагеста» не ограничивалось учеными. Краткий обзор перевода Герарда Кремонского был сделан приблизительно в середине XIII в. Джоном Голливудом или Сакробоско – английским ученым, читавшим в то время лекции в Париже (который, кстати, также составил один из самых первых европейских учебников арифметики, появившийся чуть позже, чем знаменитая «Арифметика» Леонардо Пизанского). Маленькая книга Сакробоско *De Sphaera Mundi* стала и на протяжении почти трех веков оставалась самым известным учебником для начальной школы. Разумеется, это не был учебник по навигации, хотя позднее его часто связывали с учебниками по навигации. Его значение состояло в его широком распространении. Он дошел до наших дней в более чем тридцати первопечатных изданиях, помимо многих рукописных изданий. Ее прочитали, вероятно, большинство студентов университетов в период позднего Средневековья. Сакробоско сделал больше, чем любой другой автор, чтобы дискредитировать фундаменталистов – сторонников теории о плоской Земле, таких как Космас Индикоплеустес, который оказывал огромное, хотя принимаемое не без возражений, влияние на космографическую мысль на протяжении семи веков. Благодаря Сакробоско, по крайней мере среди образованных людей, в XV в. бытовало знание, что Земля круглая.

«География» Птолемея оказала сильное воздействие на Европу гораздо позже и совершенно иным образом. Любопытно, что такая знаменитая книга так долго оставалась неизвестной. Талантливый мавр из Сеуты по имени ал-Идриси, который на протяжении многих лет работал при дворе Роже-ра II Сицилийского, очень часто ссылаясь на Птолемея при составлении своей собственной «Географии» – знаменитой «Книги Рожера». Но влияние Идриси было меньше, чем заслуживали достоинства его книги, и ни один европейский ученый не попытался разузнать об источниках, которыми тот пользовался. «География» Птолемея сначала была переведена на латынь не с арабской рукописи, а с греческой, привезенной из Константинополя. Перевод делал Якоб Ангелус – ученик прославленного Кризолораса; он был закончен приблизительно в 1406 г. или чуть позже. Его появление стало одним из самых важных событий для развития географических знаний европейцев.

Главная часть текста Птолемея представляет собой утомительный географический справочник мест, расположенных по регионам, с широтой и долготой каждого места. Птолемей разделил свою сферу на знакомые 360° широты и долготы и из своего расчета окружности Земли вычислил длину одного градуса на экваторе или на меридиане. Он предлагает метод расчета длины градуса долготы для любой данной широты и объясняет, как построить «сетку» параллелей и меридианов для карт, нарисованных в конической проекции. Идея использовать координаты – широту и долготу для определения положения точек на земной поверхности – не была так уж нова для средневековой Европы. Астрологические эфемериды строились относительно положений в зодиаке, а вычисленные расхождения в долготе обязательно использовались для «коррекции» этих таблиц для мест, отличных от тех, для которых они составлялись. Роджер Бэкон даже пытался составить реальную карту на основе координат. Карта, которую он отослал папе Клементу IV, потеряна; и Бэкон, опередивший в этом, да и не только в этом, свое время, не оказал никакого влияния на картографию и не вдохновил никаких подражателей. Использование Птолемеем координат как основы и системы отсчета при построении карт возобновилось в XV в. как новое революционное изобретение. Вторая часть «Географии» представляет собой собрание карт и включает карту мира и отдельных регионов. Сам ли Птолемей чертил карты для сопровождения своего текста – этот вопрос вызывает сомнения. Он подразумевал, что любой разумный читатель, используя информацию, содержащуюся в его тексте, может самостоятельно подготовить для себя карты. А карты, которые появились в Европе в XV в., – кто бы ни был их автор – были основаны на его координатах и вычерчены по его плану. На них в добавление к подробно и достаточно точно нарисованному, хотя и растянутому, Средиземному морю изображены континенты: Европа, Азия и Африка. Африка – широ-

кая и усеченная, Индия – еще более усеченная, Цейлон – сильно преувеличен в размерах. К востоку от Индии нарисован еще один полуостров больших размеров – Золотой полуостров (так называли Малайский полуостров древние греческие и римские географы, в частности Клавдий Птолемей. – *Пер.*);

еще дальше на восток – большое морское пространство – Великий залив; и, наконец, у самой дальней восточной оконечности на карте – страна Китай. Во внутренних районах Азии есть города и речные системы, которые нелегко соотнести с какими-то реальными местами. Внутренние районы Африки изображены с некоторым намеком на детали: в Африке есть не только Лунные горы, но и озеро, из которого вытекает Нил, и другие реки; но Южная Африка присоединена к Китаю, делая Индийский океан почти полностью окруженным сушей; а все вокруг на восток и на юг – суша, *Terra Incognita* (лат. неизведанная земля).

Птолемей был компилятором, не автором. Его представления об измерении Земли исходили от Марина Тирского, который получил их от Посидония; концепция сферы, поделенной на градусы угловых расстояний, и представления о координатах – широте и долготе – были взяты у Гиппарха; огромный каталог названий мест был составлен из различных *Periploi* — навигационных указаний для Средиземного моря у Марина и, возможно, Страбона, хотя Птолемей приводит мало подробностей описаний из Страбона. Компиляция включает отбор, и авторитеты, которыми пользовался Птолемей, не всегда являются самыми лучшими образцами классических представлений по этому предмету. Например, переняв систему измерения Земли у Марина, он навсегда сохранил и популяризовал недооценку размера Земли и, следовательно, величину градуса: 500 стадий, или $62\frac{1}{2}$ римской мили. Эта цифра была меньше реальной приблизительно на четверть. Несколькими веками раньше Эратосфен благодаря умелому и очень удачному расчету получил гораздо более точную цифру. Более того, Птолемей допускал – и в этом он отличался от Марина, – что «известный» современный ему мир охватывает 180° ; он рассчитал это, опираясь на самую дальнюю открытую оконечность суши на Западе – Канарские, или Счастливые, острова, и соответственно продлил Азиатский континент на восток. Эти ошибки вместе с ошибочным окружением Индийского океана со всех сторон сушей, двумя полуостровами-близнецами и заливом в Юго-Восточной Азии, а также ошибочным расположением рек в Африке должны были иметь важные последствия.

Разумеется, у Птолемея не было ни компаса, ни практических средств для измерения долготы. Число известных ему достоверно измеренных широт было, по его собственному признанию, невелико. Он мог устанавливать положение малоизвестных мест только путем нанесения расстояния до этих мест, взятого из соответствующих сообщений, вдоль приблизительно указанного направления от более известных мест и рассчитывая расхождения в широте и долготе посредством плоских прямоугольных – не сферических – треугольников. Как следствие, положение, которое он определяет для многих мест за пределами хорошо известного Средиземноморского региона, катастрофически неточное. К тому же такой текст, как у Птолемея, с длинными списками названий и цифр особенно уязвим к искажениям при переписывании. Можно предположить, что спустя века к собственным ошибкам Птолемея добавились многочисленные ошибки копировщиков.

Европейские ученые начала XV в., однако, не имели надежных критериев для критики Птолемея точно так же, как их не было и для критики Марко Поло. Краткость Птолемея удовлетворяла их требования и их собственные литературные привычки, и многое из того, что он писал, было для них новым, волнующим и неопровержимым. Карты, основанные на его информации, несмотря на свои многочисленные ошибки, были во много раз лучше средневековых *mappe mundi* и охватывали территории, обычно не входившие в портуланы. Использование им координат было главным достижением, которое – хотя оно и не было понятно морякам – не могли игнорировать ученые. Мы видели, что кардинал Пьер д'Альи написал свой главный труд *Imago Mundi* приблизительно в 1410 г., до того как он увидел латинский перевод Птолемея. В

1413 г., после повторного обретения «Географии», д'Альи написал вторую книгу – *Compendium Cosmographiae*, в которой он суммировал, хотя и в искаженной форме, взгляды Птолемея. В чем-то это был шаг назад, так как в *Imago Mundi* д'Альи описал внутреннюю часть Африки и не окруженный со всех сторон сушей Индийский океан; в *Compendium* он подчинился Птолемею. Последовало августейшее признание. *Historia rerum ubique gestarum* папы римского Пия II – этого ученого и образованного гуманиста – в значительной степени представляет собой дайджест Птолемея, хотя и не лишенный критики, так как папа придерживался той точки зрения, что можно проплыть вокруг Африки. У Колумба был печатный экземпляр этой книги, из которой он и почерпнул имевшиеся у него знания о «Географии» Птолемея. С момента ее первого появления латинский перевод «Географии» был принят среди ученых с огромным – хоть и не лишенным критики – уважением. Были сделаны сотни рукописных копий. Первое из многочисленных печатных изданий, которые обеспечили идеям Птолемея все более широкое распространение, появилось в Виченце в 1475 г., самое первое издание, которое включало карты, – в Болонье в 1477 г., а гораздо лучшее издание – в Риме в 1478 г.

Растущая неудовлетворенность устаревшими картами Птолемея сначала никак не уменьшила популярность его текста, так как усовершенствованные карты, включавшие результаты реальных плаваний, стали прилагаться к нему начиная с 1482 г. Великолепное Страсбургское издание 1513 г. содержит сорок семь карт, одиннадцать из которых – новые; это первый усовершенствованный атлас, который оставался самым лучшим на протяжении многих лет – фактически до 1579 г., когда Ортелиус установил новые стандарты благодаря своей великой книге *Theatrum Orbis Terrarum*. Издания книги Птолемея – некоторые исключительной красоты и качества – продолжали появляться в Риме, Венеции и Базеле. Из серьезного практического применения они были вытеснены ввиду развития голландской школы географии и картографии только в конце XVI в. (но, разумеется, не лишились интереса историков). Так что на протяжении почти двухсот лет Птолемей был ведущим источником теоретических географических знаний. Его идеи в географии и астрономии были и стимулирующими, и пленяющими, а прогресс знаний в обеих областях требовал, чтобы его теориями сначала овладели, а затем их вытеснили. Главной задачей разведывательных исследований было поставить под сомнение веру в обязательное превосходство знаний древних. Не только в специфической области географии, но и почти во всех отраслях науки в изучаемый нами период наступал момент, когда Западная Европа, если можно так выразиться, наконец приблизилась к Древнему миру, а немногие храбрецы, понимавшие и питавшие уважение к тому, чему учили древние, тем не менее были готовы оспорить их выводы. Так что в процессе своих разведывательных исследований мореплаватели поспешно отплывали в неизведанный мир и, обнаружив, что он больше и разнообразнее, чем они ожидали, начинали сначала сомневаться в написанном Птолемеем, затем доказывать его неправоту во многих конкретных случаях и, наконец, рисовать на картах и глобусах новую, более убедительную картину. Аналогичным образом, но независимым путем Коперник и его последователи, изучавшие Птолемея и наблюдавшие за небом, замечали определенные небесные явления, которые труды Птолемея не могли объяснить должным образом. Они начали сначала робко и осторожно ставить под вопрос, а затем разрушать геоцентрическую систему мира Аристотеля— Птолемея и теоретически допускать существование вместо нее гелиоцентрической системы. В обоих случаях прогресс от почтительного принятия до сомнения, от сомнения к отказу и замене длился много лет. В конечном счете, во всех отраслях науки разведывательные исследования произвели переворот.

Но как же начались разведывательные исследования? Информация о мире за пределами Европы, доступная для европейцев в первой половине XV в., была, как мы уже видели, дезориентирующей в большей или меньшей степени. Она была либо чисто теоретической и схоластической, игнорирующей практический опыт, либо устаревшей или просто нереальной, состоящей из мифов и догадок. Специальные знания о средствах коммуникации с африканским

или азиатским побережьями за пределами Средиземного моря – единственного используемого пути, находившегося во власти турок (на их условиях), – были даже еще более недостаточными. Политическая ситуация, на первый взгляд, едва ли могла быть менее благоприятной. Самая свежая полученная информация из новых открытых древних источников была интересной и ценной, но в целом очень обескураживающей – например, окруженный сушей Индийский океан у Птолемея. Какие другие факторы сработали, чтобы в эти неблагоприятные пятьдесят лет началось движение по исследованию всего мира?

Первые шаги к экспансии были поистине скромными: поспешный захват португальскими войсками крепости в Марокко, осторожное расширение рыболовства и чуть позже торговли вдоль атлантического побережья Северной Африки; простое расселение виноградарей и крестьян, выращивающих сахарный тростник, лесорубов и овцеводов на некоторых островах Восточной Атлантики. В этих предприятиях начала и середины XV в. не было ничего, чтобы предположить широкую мировую экспансию. Во второй половине XV в., однако, новые успехи в мореходстве и картографии, сделанные благодаря новой комбинации теоретических знаний и опыта навигации, впервые дали возможность исследователям измерять и фиксировать местоположение (по крайней мере, широту) точки на неизвестном побережье и даже – при благоприятных условиях – корабли в море. Новые методы проектирования кораблей, соединившие в себе европейские и восточные традиции, дали возможность морякам не только совершать долгие первопроходческие путешествия, но и повторять их и тем самым устанавливать регулярную связь с новыми открытыми землями. Развитие теории и практики артиллерийского дела и особенно морской артиллерии дало европейским исследователям огромное преимущество перед жителями даже самых цивилизованных стран, к которым они ходили по морю, и возможность иногда защищать себя по прибытии от численно превосходящих сил, а также побуждало их основывать фактории даже в местах, где им были явно не рады. Это важное техническое превосходство в кораблях и пушечном вооружении обеспечивало непрерывное продолжение разведывательных походов и стабильность их результатов. К концу изучаемого нами периода европейские исследователи не только сделали приблизительные наброски очертаний большинства мировых континентов, но и основали на каждом континенте, за исключением Австралии и Антарктиды, европейские представительства – фактории, поселения или поместья в зависимости от характера местности; они были небольшими, разрозненными и разнообразными, но постоянными. Делая это, они не только получали помощь от естествоиспытателей и стимулировали дальнейшее развитие естествознания, хоть и неуверенно и косвенно сначала, как мы уже видели. Они также привлекали внимание к новым, имеющим большие перспективы проблемам в общественных науках, экономике, антропологии и искусстве управления. В этих областях тоже осторожно, но повсеместно шли разведывательные исследования, широко, но неровно происходило приращение знаний с важными последствиями для Европы и мира в целом. Во всех отраслях науки по мере развития разведывательных исследований и изменения их характера на более уверенный, по мере того как картина мира для европейцев становилась все полнее и подробнее, идея о непрерывно расширяющихся знаниях становилась все более привычной, а связи между наукой и практической жизнью – более тесными. Особое отношение к знаниям, высокая готовность применять науку непосредственно на практике в конечном счете стали главными чертами, которые отличают западную цивилизацию – изначально цивилизацию Европы – от других великих цивилизованных обществ. Беспрецедентная власть, которую дали знания, в конце концов привели Европу от разведывательных исследовательских походов к завоеванию всего мира и таким образом создали вчерашний мир, большей частью которого управляли европейцы, и мир сегодняшний, почти целиком принявший европейские технологии и методы управления пусть даже лишь для того, чтобы избежать реальной власти европейцев.

Часть первая

Условия для открытий

Глава 1

Отношение и побудительные мотивы

Среди многочисленных сложных мотивов, которые побудили европейцев, и особенно народы Иберийского полуострова, отважиться на путешествие за моря в XV и XVI вв., два были очевидными, всеобщими и признаваемыми: жажда наживы и религиозный фанатизм. Многие великие исследователи и завоеватели недвусмысленно провозглашали эти две цели. По прибытии в Калькутту Васко да Гама объяснил индийцам, которые были вынуждены его принять, что он приехал в поисках христиан и пряностей. Берналь Диас – самый откровенный из конкистадоров – писал, что он и ему подобные отправились в Индии, «чтобы служить Господу и его величеству, нести просвещение тем, кто пребывает во тьме, и обогатиться, как того желают все люди».

Земля и труд тех, кто ее обрабатывал, были главными источниками богатства. Самый быстрый, очевидный и привлекательный с точки зрения общества способ разбогатеть – захватить и удерживать феодальное владение – землю, уже занятую усердными и покорными крестьянами. Испанским рыцарям и особенно людям знатного происхождения давно уже был привычен такой способ, который предоставляла успешная война с мусульманскими государствами в Испании. В большинстве уголков Европы во время постоянных массовых волнений в XIV и начале XV в. такое приобретение земли часто осуществлялось путем частной войны. В конце XV в., однако, правители снова стали достаточно сильными, чтобы препятствовать ведению войн частными лицами; и даже в Испании территория, все еще открытая для захвата законной силой оружия, была сильно ограничена и находилась под защитой своих феодальных отношений с королевством Кастилия. Другие возможности были маловероятны, если только правители Гранады не объявили бы о прекращении своей вассальной зависимости и тем самым не дали бы кастильцам повод начать официальный последний завоевательный (освободительный) поход. И даже если бы эта война оказалась успешной, короли и крупные дворяне получили бы львиную долю добычи. Для менее знатных людей наилучший шанс добыть землю силой оружия сохранялся лишь за пределами Европы.

Вторая возможность состояла в том, чтобы захватить и эксплуатировать новые земли, либо незанятые, либо занятые «ни на что не годными» или непокорными народами, которые можно истребить или изгнать. Новые земли могли колонизировать предприимчивые фермеры или мелкие владельцы стад птицы или скота. Такие люди часто хотели быть сами себе хозяевами и избегать все возрастающих досаждающих обязательств, накладываемых феодальным землевладением и корпоративными привилегиями скотоводов, перегоняющих скот с зимних пастбищ на летние, особенно в Кастилии. Это была менее привлекательная, но все еще многообещающая альтернатива, которую также можно было рассматривать за пределами Европы. В XV в. таким образом были заняты остров Мадейра и Канарские острова – соответственно португальскими и испанскими поселенцами – простыми людьми, которые взяли в долг деньги у ссудодателей знатного происхождения в обмен на сравнительно легкие обязательства. Эти поселения были экономически успешными. Они приносили доходы королям и аристократам, особенно принцу Энрике Португальскому, которые их финансировали. Так возникла мода уезжать на острова, которая длилась более двухсот лет. Слухи о других островах и материках,

которые можно открыть в Атлантике, подогревали интерес к заморским приключениям такого рода.

Менее гарантированным и в большинстве мест менее привлекательным с общественной точки зрения способом разбогатеть было вложение денег в торговлю, особенно с далекими странами. Самым большим успехом пользовалась торговля очень ценными товарами в небольшом количестве, большая часть которых была привезена либо с Востока (пряности, шелк, слоновая кость, драгоценные камни и тому подобное), либо имела средиземноморское происхождение, но пользовалась спросом на Востоке (кораллы и некоторые высококачественные ткани). Такая торговля почти целиком проходила по Средиземному морю, и ее вели главным образом купцы из приморских городов Италии, особенно венецианцы и генуэзцы. Некоторые народы с побережья Атлантики уже с завистью глядели на эту приносящую богатства торговлю. У Португалии, в частности, имелись длинное атлантическое побережье, хорошие гавани, немалое количество рыбаков и мореходов среди населения и класс торговцев, почти полностью освобожденных от феодального вмешательства. Португальские корабли были умелыми работниками и жаждали перейти от прибрежной атлантической торговли вином, рыбой и солью к более широким и прибыльным, но рискованным предприятиям с золотом, пряностями и сахаром, а также работоторговли. У них было мало надежд прорваться в средиземноморскую торговлю, охраняемую итальянскими монополистами, обладавшими грозным морским флотом, непревзойденными знаниями о Востоке, полученными от многих поколений купцов и путешественников, и усердными дипломатами, сумевшими проникнуть за древнюю разделительную черту между христианским миром и мусульманским. Поэтому у торговцев-капиталистов в Португалии и Западной Испании были сильные мотивы для того, чтобы по морю искать альтернативные источники золота, слоновой кости и перца; и согласно информации, циркулирующей в Марокко, такие источники существовали. Весьма вероятно, что в плаваниях к берегам Западной Африки португальцев подгоняла информация о золотых приисках королевств Гвинеи, полученная благодаря завоеванию Сеуты и неизвестная в остальной Европе. По крайней мере, такие плавания быстро продемонстрировали, что плавать в тропиках легче и не так опасно, как думали пессимисты. И если, как намекали некоторые произведения о путешествиях того времени, по морю добраться до источников шелка и пряностей на Востоке, это даст еще более мощный стимул к морским экспедициям-исследованиям.

Торговля пряностями обманула ожидания; но оставался один товар, в котором португальцы хорошо разбирались и который всегда был главным в торговле во всех уголках Европы, – рыба. Еще задолго до того, как Колумб достиг берегов Америки или стал возможен морской путь в Индию, спрос на торговлю соленой рыбой поощрял португальских рыбаков, занимавшихся ловлей рыбы в глубоких водах, уходить все дальше в Атлантический океан. Рыбная ловля приводила их в воды Исландии, расположенной на пути в Америку. Так что рыболовство было одной из главных причин их интереса к северо-западному побережью Африки.

Драгоценные товары – самые ходовые – можно было достать не только путем торговли, но и более прямыми способами: грабежом, если эти товары находятся в собственности людей, чья религия или ее отсутствие можно сделать оправданием нападения на них; или прямой эксплуатацией, если источник снабжения обнаружен либо на необитаемой территории, либо обитаемой лишь невежественными дикарями. И здесь тоже слухи и будоражащая воображение литература о путешествиях наводили на мысль о возможности существования доселе неизведанных рудников, золотоносных рек или жемчужных промыслов. Случайные непредвиденные сокровища тоже время от времени встречались на пути отважных моряков: неожиданно найденный на пустынном пляже кусок серой амбры или мощный бивень нарвала.

Все эти экономические соображения, эти мечты о быстрой рискованной наживе во много раз усиливал религиозный фанатизм. Первооткрыватели и конкистадоры были по большей части набожными людьми, религиозное рвение которых принимало формы одновременно

общепринятые и практические. Из всех возможных форм религиозного фанатизма моряков, а также правителей и инвесторов, которые их посылали в экспедиции, особенно привлекали две. Одной было желание обращать в христианство – взывать к умам и сердцам отдельных неверующих путем проповедей, увещевания или силой примера, любыми средствами убеждения, лишенными силы или угроз, и таким образом приводить неверующих в общину верующих. Другой формой было незамысловатое желание обеспечить с помощью военных и политических средств безопасность и независимость своей собственной религиозной общины, а еще лучше – ее главенство над другими, защитить верующего от вмешательств и нападений, убить, унижить или подчинить неверующего. Разумеется, эти две возможные линии поведения можно было смешивать или комбинировать. Например, можно было подчинить себе неверующих, чтобы обратить их в христиан. Однако в общем и целом в головах людей различались две формы выражения религиозного рвения на деле. Первая требовала больших усилий с малой вероятностью близкой материальной поживы. Вторая, имевшая политико-военное выражение, оправдывала широкомасштабные завоевания и грабежи. Это был аспект религиозного рвения, давно знакомый в Европе, так как на протяжении нескольких веков он был одним из главных побудительных мотивов Крестовых походов.

В XV в. путешествия, полные открытий, часто описывались как продолжение Крестовых походов. Безусловно, об угрожающей близости ислама всегда помнили правители того времени, особенно в Восточной и Южной Европе. Тем не менее эти правители были в большинстве своем в достаточной степени реалистами, чтобы видеть, что Крестовый поход традиционного образца – прямой военный поход против мусульманских правителей в землях Восточного Средиземноморья с целью захвата святых мест и основания христианских княжеств на берегах Леванта – не был уже даже отдаленно возможен. Крестовые походы такого типа в предыдущих веках были дорогостоящими и в конечном счете закончились неудачей. Разнообразная смесь мотивов среди крестоносцев – религиозный пыл, любовь к приключениям, надежда на поживу, желание сделать себе имя, а также зависть и недоверие среди правителей, имевших отношение к походу, всегда были мощными факторами, мешавшими эффективному единству. Европейские народы никогда не организовывали Крестовые походы на государственном уровне. Даже те армии, которые возглавляли лично короли или императоры, были связаны воедино лишь феодальными и личными узами. Ни одно средневековое европейское королевство не обладало организацией, способной управлять дальними владениями; только рыцарские ордена имели четкую организацию, и их ресурсов было недостаточно. Такие завоевания, как латинские государства, основанные после 1-го Крестового похода, были возможны исключительно благодаря отсутствию единства среди местных арабских княжеств и не могли устоять против ответного нападения талантливого мусульманского правителя, сумевшего объединить силы. В конечном счете политический эффект от Крестовых походов свелся к тому, чтобы уменьшить Восточно-римскую (Византийскую) империю – ведущее христианское государство Восточной Европы до в основном греческой территории и дать возможность венецианцам вымогать торговые привилегии в Константинополе. Начиная с XIII в. великие феодальные монархии Северной Европы утратили интерес к Крестовым походам и предоставили войну с исламом тем, у кого соседями были мусульмане: византийским императорам, их соседям – балканским королям, царям и князьям и христианским королям Иберийского полуострова.

Эти закаленные войнами правители, предоставленные самим себе, добились значительных успехов. Греческая (Византийская) империя, применяя гибкую дипломатию, равно как и военное упорство, продемонстрировала поразительную способность к выживанию. Она по-прежнему была грозной морской державой. Она возвратила себе большую часть территорий в XIV в. И хотя она была ослаблена, обычно могла сохранять свои позиции в стабильных условиях в противостоянии разнообразным оседлым и относительно мирным мусульманским государствам, среди которых было не больше единства, чем среди христианских королевств.

Главная опасность для империи исходила от недавно принявших ислам орд варваров, которые время от времени мигрировали из своих обжитых мест в Центральной Азии, прорывались на земли «плодородного полумесяца», разрушали сформировавшиеся мусульманские государства, создавали новые объединенные военные султанаты и начинали священную войну против неверных христиан. В случае получения успешного отпора орда могла успокоиться и стать, в свою очередь, организованным стабильным государством; но способность греков к сопротивлению под ударами, следующими один за другим, становилась все слабее. Самым опасным из таких вторжений с европейской точки зрения было вторжение турок-османов, начавшееся в XIV в.

На другом конце Средиземного моря эти огромные штурмующие волны ощущались сначала лишь как слабая рябь на воде. Противостояние иберийских королевств исламу было долгой, шедшей с переменным успехом местной войной, которая в позднем Средневековье неуклонно делала успехи. В начале XV в. единственным мусульманским государством, оставшимся в Европе, был давно существовавший и высокоразвитый эмират Гранада³; и хотя этот эмират раньше был богатым и могущественным, теперь он платил дань Кастилии, и правители Кастилии могли ждать с нетерпением – с хорошими шансами на успех – его окончательного включения в состав их собственных владений. Правители Португалии больше не имели сухопутных границ с соседями-мусульманами и начали обдумывать нападение с моря на богатые государственные образования арабов и берберов в Северной Африке.

Конец XIV – начало XV в. принесли короткую передышку осажденным грекам. В Леванте столкнулись друг с другом два великих мусульманских государства. Одним из них был мамлюкский султанат в Египте и Сирии, основанный за век с четвертью до этого тем великим султаном Бейбарсом, который выгнал оставшихся «франков» (крестоносцев) из Сирии и разгромил внука Чингисхана. Другим было более молодое османское государство в Малой Азии, непокойное, агрессивное и представлявшее постоянную опасность своим соседям – и христианам, и мусульманам. Турки переправились через Дарданеллы в 1353 г. и в 1357 г. заняли Адрианополь, тем самым почти окружив Византийскую империю. В какой-то степени выживание Византии зависело от власти мамлюков в тылу у османов. В самом конце XIV в. оба эти мусульманских государства были разбиты конницей последнего великого кочевника – монгольского правителя эмира Тимура (Тимурленга, что по-таджикски – «Тимур-хромец», отсюда Тамерлан)⁴. В 1400 г. Тимур разграбил Алеппо и Дамаск; в 1402 г. разгромил османскую армию у Анкары (Ангоры), разграбил Смирну и взял в плен султана Баязета I. Естественно, христианские правители смотрели на этого самого жестокого завоевателя как на избавителя. Византийский император предложил платить ему дань. Даже кастильцы отправили к нему посольство, которое, однако, прибыв в Самарканд, обнаружило, что Тимур уже умер. Так что передышка у христиан была очень короткой. Тимур умер в 1405 г. в ходе начатого в конце 1404 г. похода на Китай. Его наследники рассорились, а его достижения больше никто не сумел повторить. В конечном счете нашествие Тимура косвенно серьезно не сыграло на руку Византии и христианской Европе. Османы не очень серьезно пострадали и оправались от своего поражения быстрее, чем их соперники-мамлюки. Их военная организация и вооружение были лучшими среди мусульманских государств. Их гражданская администрация оказывала сравнительно легкое давление на поработанных подданных и делала османов не такими уж нежеланными завоевателями с точки зрения чрезмерно обложенного налогами крестьянства. Следующим был вопрос, куда в первую очередь будет направлена их грозная сила – на мамлюков, шиитское государство Сефевидов в Иране или против Византийской империи (от которой, кроме Кон-

³ Возник в 1238 г. как самостоятельный эмират. К 1492 г. – последний осколок могущественного Кордовского халифата.

⁴ Не происходя из рода Чингисхана, Тимур не мог быть ханом и, приняв титул великого эмира, единолично правил государством от имени потомков Чингисхана.

стантинополя, мало что осталось). И первые, и второе, и третья в конечном итоге были повержены (Иран позже оправился); но Византийская империя, самая слабая из этой тройки, первая подверглась ударам. В 1422 г. снова был осажден Константинополь. Восстания в Малой Азии и контрудары Венгрии против турок продлили сопротивление греков, но великий город в конце концов был взят Мехмедом II в 1453 г.

Падение Константинополя было давно ожидаемым и так долго откладывалось, что во многом психологический эффект от этого события в Европе рассеялся. В Италии весть о его падении стала сильным побудительным мотивом для всеобщего, пусть даже неустойчивого, замирения среди основных государств Священной лиги. Но действенный призыв к оружию не прозвучал, и, несмотря на многочисленные разговоры об этом, всеобщий Крестовый поход не состоялся. Если Европа была осажденной крепостью, ее гарнизон был не так уж мал и не так уж плотно окружен, чтобы его члены ощущали особую необходимость объединения. Тем не менее это событие ознаменовало рождение Османской империи – самого сильного государства на Ближнем Востоке, рядом с которым большинство европейских государств выглядели мелкими княжествами; более того, державы, склонной к военной экспансии. Государства Балканского полуострова и Дунайского бассейна немедленно почувствовали на себе турецкую агрессию. Они оказались в положении отчаянно обороняющихся и шаг за шагом отступали до конца первой трети XVI в., когда в 1529 г. султан Сулейман I Кануни (законодатель), в европейской литературе Сулейман Великолепный, начал безуспешную осаду Вены. Что было еще серьезнее с европейской точки зрения, турки-османы почти за одну ночь стали самой грозной из средиземноморских держав. До того момента они были скорее наездниками, нежели моряками. Во времена Мухаммеда I они потерпели сокрушительное поражение на море от венецианцев. Однако захват Константинополя сделал их наследниками морской мощи Византии. Боясь за свои торговые привилегии, венецианцы поспешили заключить с османами мир, и им удалось сохранить большинство своих деловых связей и некоторые колонии, особенно Крит. Однако они не могли удержать Морею (Пелопоннес) и другие территориальные владения или помешать туркам и дальше совершать агрессию в Средиземном море. В 1480 г. Мехмед II вторгся в Италию, захватил Отранто и создал там процветающий рынок рабов-христиан. Продолжение завоевательного похода (с целью захвата Рима) было остановлено только смертью султана в следующем году. Морская мощь в конечном счете сделала разгром мамлюков и распространение власти турок на берегах Леванта бесспорными и совершенно исключила любое прямое морское нападение любой западноевропейской армии на центры мусульманской власти на Леванте. К середине XV в. плащ крестоносцев лег на плечи иберийских королевств. Среди европейских государств они были единственными, которые все еще могли нанести ущерб исламу. В тех обстоятельствах их действия неизбежно носили местный и ограниченный характер, но успехи даже местного значения могли иметь широкий отклик в исламском мире, если их энергично использовать. Именно на фоне катастрофических поражений европейцев в Леванте следует рассматривать войны Кастилии с Гранадой и португальские экспедиции в Северо-Западную Африку.

И в Кастилии, и в Португалии идея о Крестовом походе все еще могла разжечь воображение людей благородного происхождения с авантюрными наклонностями, хотя на Иберийском полуострове крестоносные устремления в позднем Средневековье носили более тонкий и сложный характер, чем упрямый авантюризм крестоносцев предыдущих Крестовых походов, не лишенный стремления получить выкуп и поставить его на кон в азартной игре и не имевший ничего общего с христианской апостольской миссией, которая еще раньше обратила в христианство Северную Европу. Никто и не предполагал, что на ислам сколько-нибудь серьезное впечатление могут произвести проповеди или идейные споры. Мусульмане были не только сильны и хорошо организованы, они еще умны, самоуверенны и цивилизованны. У монаха-миссионера было бы не больше шансов заполнить новообращенных в Гранаде или Дамаске, чем у

муллы в Риме или Бургосе. В лучшем случае на него смотрели бы как на интересную диковинку, в худшем – как на шпиона или опасного сумасшедшего. Долг предпринимать попытки обращать в христианство, безусловно, признавался. Отдельные пленники, особенно если они были захвачены юными, воспитывались в вере тех, кто их захватил. Естественно также, что значительное число мусульман под властью христиан – или христиан под властью мусульман – принимали религию своих правителей либо по убеждению, либо из политического или корыстного расчета. Завоеватели-христиане могли иногда пытаться насильно обратить массу всего мусульманского населения в христианство, но обращение, достигнутое таким способом, обычно считалось неискренним и часто временным. Ни один христианский правитель не имел или не пытался создать какую-либо организацию людей, сравнимую с турецкими янычарами. Истинное широкое обращение в христианство повсеместно считалось недостижимым идеалом. Более того, оно могло быть невыгодным с финансовой точки зрения, так как и мусульманские, и христианские правители зачастую взимали особые налоги с подданных, исповедующих религию, отличную от их собственной. Такая практика поощряла завоевательные войны, но препятствовала попыткам обращать в свою веру завоеванных. Также, несмотря на громкие разговоры об уничтожении неверных, жестокая политика истребления никогда серьезно не рассматривалась как осуществимая или желательная.

Связь с арабским миром в Средние века повлияла на образование в грубой и примитивной Западной Европе. Европейские искусство и промышленность многим обязаны арабам. Греческая наука и знания нашли дорогу к средневековой Европе – в той мере, в которой они вообще были известны. Даже замысловатые условности позднесредневекового рыцарства были в какой-то степени скопированы с арабских обычаев и романов. Иберийский полуостров был главным каналом контактов между двумя культурами; и наиболее умные из тамошних христианских правителей понимали ценность и важность этой посреднической функции. Архиепископ Раймунд Толедский в XII в. основал школы, в которых еврейские, арабские и христианские ученые сотрудничали в ряде работ, которые – когда о них стало известно в научных центрах Европы – открыли новую эру в средневековой науке. Король Кастилии Альфонсо X тоже собрал при своем дворе ученых представителей трех религий, так как он горел желанием впитать мудрость и Востока, и Запада. Он был первым европейским королем, который систематически проявлял интерес к отделению культуры от церкви. Его труды о Востоке были переведены на французский язык и оказали влияние на Данте. Его астрономические таблицы изучали в Европе веками; их читал сам Коперник и делал к ним аннотации. И хотя он был особенным, он был далеко не единственным таким терпимым и мудрым. Величайшим из всех монархов Реконкисты был Фердинанд (Фернандо) III – король и святой; эпитафия на его могиле гласит, что он был королем, который терпимо относился к культам неверных.

Тогда на Иберийском полуострове христианские и мусульманские королевства веками существовали бок о бок и волей-неволей, когда не воевали друг с другом, поддерживали друг с другом какие-то отношения, хоть и формальные. Время от времени христианские правители заключали с мусульманами союз против христиан и наоборот. Аналогичным образом в отдельных королевствах христиане и мусульмане жили бок о бок и, зачастую не проявляя по отношению друг к другу особого уважения и симпатии, привыкали к обычаям друг друга. Там, где происходил переход в другую веру, имели место смешанные браки и смешанная кровь. Культура Испании, за исключением ее северных регионов, неизбежно подвергалась глубокому воздействию. Арабское влияние проявилось в огромном количестве различных заимствований в испанском языке, обычаях (изоляция женщин), архитектуре и планировке городов, уловках в торговле и огромном разнообразии практических приспособлений: ирригационных и водоподъемных устройствах, планировке и оснастке лодок и кораблей, седельном снаряжении и ременной упряжи. Мавританское влияние было не таким явным в Португалии по сравнению с Испанией. К XV в. Крестовые походы на территории Португалии стали чуть более чем дале-

кими воспоминаниями; отсюда несколько книжные и романтические представления о Крестовых походах, например, принца Энрике (Генриха) Мореплавателя, контрастировавшие с гораздо более заземленным отношением его испанских современников. Однако в различной степени и Испания, и Португалия были местом проживания смешанных обществ, и, вероятно, сам этот факт помог испанцам и португальцам лучше, чем другим европейцам, понимать и взаимодействовать с еще более экзотическими культурами, с которыми им пришлось повстречаться, когда они пустились в заморские плавания.

К XV в. европейская цивилизация развилась до такой степени, что больше не зависела от влияния арабского мира, чтобы научиться чему-либо, а в Испании мода на все африканское имела тенденцию к превращению в бесплодную манерность. При жаждущем наслаждений и необузданном дворе Генриха IV Кастильского эта манерность была доведена до крайностей, в которых христианская религия осмеивалась, открыто перенимались многие мавританские обычаи, а война с исламом фактически была отложена. Война за кастильское наследство Изабеллы привела к резким переменам. Изабелла, побуждаемая не только сильными религиозными убеждениями, но и мрачным предчувствием опасности, угрожавшей с Востока, была полна решимости немедленно начать приготовления к войне с Гранадой (правители которой, ободренные Войной за кастильское наследство, воздержались от выплаты дани в 1476 г.) и по возможности, в конечном счете, вести войну на вражеской территории в Африке, как это уже сделали португальцы в Сеуте в 1415 г. Систематические военные операции с целью завоевания мавританского королевства город за городом начались в 1482 г. Испанцы начали этот последний Крестовый поход в Европе, испытывая смешанные чувства по отношению к врагам — мусульманам. Среди этих чувств были: глубокая религиозная экзальтация, отвращение к неверным, измененное (у феодалов) уступками экономической выгоде, жажда наживы в смысле не только надежды на грабеж, но и решимости использовать мавров как вассалов, общественная неприязнь, измененная долгим близким общением, определенная зависть к их экономике (ведь мавры были обычно лучшими фермерами и ремесленниками и зачастую более ловкими торговцами, чем их конкуренты-испанцы) и, наконец, сильный политический страх — страх не перед Гранадой, а перед мощной помощью, которая может прийти на выручку Гранаде, если это государство (эмират) не подчинить власти христиан. Что касается Гранады, изолированной и разделенной внутри себя, то исход никогда не вызывал серьезных сомнений. Ее столица пала в 1492 г. Вся Испания впервые за много веков оказалась полностью под властью монархов-христиан. Территория Гранады была должным образом поделена на феодальные владения среди военачальников этой военной кампании.

Это завоевание не освободило Испанию от страха перед исламом. И вторжение испанцев в Северную Африку, начавшееся с захвата Мелильи в 1492 г., не помешало продвижению турок. В начале XVI в. они завоевали Сирию и Египет и распространили свою власть на североафриканское побережье. Колоссальную мощь Османской империи можно было тогда призвать защитить мусульманских правителей побережья и, возможно, даже поддержать восстание среди недовольных мавров в Испании. Это была слишком большая сила, чтобы испанские королевства со своими вооруженными силами могли бросить ей вызов. Тем временем воодушевление и честолюбивые замыслы, порожденные войной с Гранадой, сохранялись и были лишь отчасти удовлетворены победой. Выход для этой сдерживаемой воинственной энергии был найден лишь год спустя после падения Гранады благодаря сообщению Колумба об островах в Западной Атлантике и его уверенному утверждению, что эти острова могут быть использованы как промежуточные базы на пути в Китай. На протяжении жизни одного поколения чувства, которые подняли испанцев против Гранады, развились в смелые и методичные империалистические устремления, которые в поисках новых провинций для завоевания нашли свой шанс за морем. Пока португальцы, стремившиеся создать свою империю, искали в Западной Африке среди всего прочего «заднюю дверь», через которую можно было напасть на арабов и

турок, империалистические устремления испанцев благодаря случайному открытию получили направление действий в новом мире.

Гранада для испанцев была тем, чем был ослабленный Константинополь для турок в его последние годы перед завоеванием: кульминацией ряда завоеваний и началом нового завоевания. Существовала любопытная аналогия между ролью турок в Византийской империи и ролью кастильцев в мусульманской Испании. Турки были кочевниками; они пришли на Ближний Восток как чрезвычайно мобильные конные орды, действовавшие против оседлого сельскохозяйственного или проживавшего в городах населения. Они обосновались как владыки, живя за счет труда покоренных крестьян и набирая себе чиновников и технических специалистов из числа образованных людей в среде своих новых подданных; но сами они так и не утратили свой характер наездников. Кастильцы никогда не были настолько тесно связаны с лошадьми, как турки, но они тоже – в Андалусии и других местах – использовали мобильные и почти полностью конные вооруженные силы против оседлых сообществ. Среди них в засушливом нагорье Кастилии поискам пастбищ для выпаса полукочевых стад давно уже отдавалось предпочтение перед земледелием. Так было выгоднее с общественной, военной, а также экономической точек зрения; это было наследство, полученное после веков периодических войн и постоянно менявшихся границ. Человек верхом на коне, хозяин стад был лучше приспособлен к таким условиям; крестьянин, наоборот, был экономически уязвим и презираем обществом. По мере развития завоеваний кастильцы, а среди них – высшее сословие, класс воинов – сохранили свои скотоводческие интересы и владения, мобильность и военную эффективность, а также уважение к человеку верхом на коне. Подобно туркам, они, насколько это было возможно, использовали умения вассальных народов, равно как и своих собственных крестьян и ремесленников. Такой общественный уклад привел к появлению класса воинов, хорошо подготовленных для завоевания и последующего подчинения оседлых народов Нового Света, которые были благоденствующими землепашцами или послушными городскими жителями, никогда до того момента не видевшими лошадей и крупного рогатого скота. Маленькие отряды конных испанцев смогли добиться поразительных побед, а затем остаться в качестве квазифеодальных господ, сохранив свои собственные скотоводческие интересы и занятия и доверяя покоренным ими крестьянам выращивать для них зерно, как это делали в Старом Свете и они, и турки. Их мобильность как всадников давала им возможность подавлять восстания с минимальными усилиями. В этом отношении Реконкиста в Испании была похожа на тренировку перед имперской экспансией в Америке.

Однако Изабелла по совету окружавших ее непреклонных церковнослужителей не была особенно расположена позволять маврам из Гранады мирно прижиться как мусульманам – вассалам христианских владык. Ее религиозное рвение должно было найти выражение не только в завоевании и установлении господства, но и в обращении в христианскую веру. После захвата Гранады она приступила к политике решительной христианизации. Эта политика, изначально ограниченная проповедями и уговорами, добилась весьма малого успеха, несмотря на преданность своему делу строго соблюдавших все предписания веры францисканцев, которым это дело было поручено. Нетерпение королевы и ее советника Сиснероса вскоре привело к принятию более суровых мер – систематическим преследованиям и резкому ужесточению церковной дисциплины. Изгнание евреев, насильственное крещение мавров в Гранаде, чрезвычайные полномочия, данные новой инквизиции, – все это было радикальным отходом от средневековых традиций Испании. Все три меры были в целом одобрены обществом, чего не случилось бы сто лет назад, и в Кастилии (но не в Арагоне) их энергично претворяли в жизнь. Они представляли собой одновременно и реакцию на возросшее давление ислама на христианский мир после падения Константинополя, и усиление религиозного фанатизма, а также религиозной нетерпимости в Испании. Это усиление фанатизма, это новое стремление с воодушевлением

обращать в свою веру быстро перекинулось на Новый Свет, где нашло новые и более эффективные формы выражения.

Гуманистические знания, апостольское рвение и дисциплина были главными чертами реформы церкви в Испании, предпринятой кардиналом Хименесом де Сиснеросом в конце XV – начале XVI в. В рядах монашеских орденов было много людей, охваченных духовной смутой, близкородственной тому недовольству, которое вспыхнуло в эпоху Реформации в Северной Европе. Реформы Сиснероса вызвали к этому недовольству и сделали его действенным. Прежде всего он стремился очистить духовенство, усиливая аскетизм и возвышая проповедническую миссию монахов нищенствующих орденов. Из монашеских орденов он благоволил к монахам своего ордена – францисканцам, а среди францисканцев – монахам, строго соблюдавшим все предписания веры, которые в Испании и Португалии избрали своим делом проповедование простой и аскетичной христианской веры среди бедного и заброшенного пастырями сельского населения и язычников, как четко предписывали им папские привилегии. Движения за проведение внутренних реформ, аналогичные францисканской обсервации, возникали приблизительно в начале века и в других орденах, особенно среди доминиканцев и иеронимитов. Поразительное увеличение числа нищих после реформы произошло еще при жизни Сиснероса. Из этой части населения появилась духовная элита евангелического толка, которая симпатизировала Эразму Роттердамскому, а позднее в этом же веке попала под подозрение в приверженстве лютеранству. Из ее рядов также вышло духовное ополчение, в которое вступали дисциплинированные, хорошо обученные религиозные радикалы, готовые сражаться в Новом Свете. Американские индейцы, которых встречали испанцы во времена Сиснероса, были слабыми, примитивными и малочисленными, но со второго десятилетия XVI в. испанцы вступили в контакт с оседлыми народами Мексики и Центральной Америки, строившими города, и при общении с ними миссионерская политика стала делом исключительной важности. Эти народы были многочисленны, хорошо организованы и обладали материальной культурой, которая, несмотря на техническую слабость, впечатляла и привлекала испанских завоевателей. Эти индейские народы ничего не знали о христианстве, что было недостатком, за который их нельзя было винить или наказывать; с другой же стороны, они не были заражены исламом. Их собственная религия включала ритуалы ужасающей жестокости, но каждый в отдельности они в большинстве своем казались мягкими и понятливыми людьми, а их аграрный коллективизм был идеальной основой для создания христианских коммун. Ни королевская власть, ни церковь в Испании не могли игнорировать возможность и долг привести таких людей в лоно христианской церкви или оставить это на совести конкистадоров. Королевская власть с самого начала решила поручить американскую миссию нищенствующим орденам. По крайней мере, в течение какого-то времени она оказывала сильную поддержку обетам отказаться от всего земного, христианскому учению о сострадательном Боге и институциональной власти святых даров. Такая миссионерская политика с ее логическим продолжением в виде условий контроля над местным населением неизбежно вступала в конфликт с экономическими интересами лидеров испанских колонистов и вызывала долгие и язвительные споры. Но монахи завоевали уважение и симпатии многих конкистадоров, включая Кортеса, который сам обратился с прошением отправить францисканцев-миссионеров в Мексику. Ощущение того, что они «несут свет тем, кто пребывает во мраке», испытывали даже простые солдаты, и оно помогает объяснить их убежденность в том, что, какой бы греховной ни была их собственная жизнь, святые сражаются на их стороне. Здесь не подразумевается простодушное легкоеверие. Рассказы о реальном появлении святого Иакова в сражении были придуманы летописцами, не конкистадорами. Берналь Диас относился к этим «чудесам» с определенной иронией. Тем не менее конкистадоры перед сражением молились святым Петру и Иакову, и среди них было сильно чувство божественной поддержки. Несколько в меньшей степени и в совершенно других обстоятельствах это было справедливо и в отношении португальцев в Индии. Миссионерское рвение, желание принести

истинную веру миллионам языческих душ следует поставить на одно из первых мест среди побудительных мотивов разведывательных исследовательских походов.

Однако жажда наживы и религиозное рвение, даже вместе взятые, – это еще не все. Беспрецедентная суровость, с которой Изабелла отнеслась к маврам в Гранаде, было более чем выражение религиозной нетерпимости и политической враждебности. Это был умышленный отказ королевы от африканского элемента в культуре Испании, который сопровождался в равной степени преднамеренным подтверждением общности Испании с остальной христианской Европой. Железная воля и острый ум королевы работали на то, чтобы положить конец интеллектуальной изоляции Испании не путем робкого и оборонительного обскурантизма, а путем решительного и уверенного поощрения европейских научных знаний. Ее правление было золотым веком для университетов. Знаменитые учебные заведения в Алкале, Саламанке и Вальядолиде ведут отсчет своего существования с этого времени. (Толчок к основанию подобных учебных заведений вскоре был перенесен в Новый Свет, так что и Мексика, и Перу приблизительно через поколение после своего завоевания обрели свои университеты.) В годы правления Изабеллы в Испании начали работать много печатных станков. В стране приветствовали и поощряли появление иностранных ученых и книг – итальянских, французских, немецких и фламандских. Идеи и литературные традиции, характерные для итальянского Возрождения, распространились и по Испании, хотя и в формах, измененных испанскими рассудительностью и консерватизмом, и без поверхностного язычества большинства итальянских произведений. Ученые классической школы, такие как Альфонсо Фердинандо де Паленсия и Антонио де Лебриха (Небриха), который получил образование в Испании и в Италии сначала в Саламанке, затем в Болонье, работали в традиции Лоренцо Валла. Великая Библия Полиглотта⁵ является одним из главных успехов научной мысли эпохи Возрождения. В более популярных литературных формах итальянское влияние тоже проникло в Испанию. Рыцарская поэма «Неистовый Роланд» Лудовико Ариосто была быстро переведена на испанский язык и получила широкую читающую публику в Испании. Всевозможные эпические поэмы и романы вошли в большую моду в Испании в начале XVI в. Берналь Диас, когда писал о том, как он в первый раз увидел захватывающую дух панораму города Мехико (Теночтитлана), вполне естественно заметил, что ему при этом пришел на ум роман об Амадисе⁶.

Вместе с литературными традициями Ренессанса испанцы переняли и умонастроения: культ отдельной личности, стремление сделать себе репутацию. Это стремление играло жизненно важную роль в сознании и характере конкистадоров и объясняло их вспыльчивость и ранимое самолюбие, нелюбовь к дисциплине и строгой регламентации, настоятельную потребность в том, чтобы с ними советовались по каждому принимаемому решению. С другой стороны, оно объясняет их необычайную отвагу и презрение к ранам и усталости в результате преданности вере. Они вели себя, как писали их хронисты, с серьезностью людей, сознающих, что они участвуют в великих делах. Это были люди, которые видели в себе не подражателей, а соперников героев древности и романов. Кортес – самый колоритный из конкистадоров, остро чувствующий настроения своих солдат, который сам был продуктом эпохи Возрождения из Саламанки, снова и снова в своих речах и письмах возвращался к этой теме. Иногда он ссылался на богатства, которые их ждали впереди, а иногда – на успешное завоевание душ язычников, но чаще всего – на перспективу прославиться. Например, пытаясь убедить своих солдат на берегу у Веракруса сжечь корабли, в которых они приплыли с Кубы, он «привел много сравнений с подвигами, совершенными храбрыми героями-римлянами». Когда его более осторожные спутники заметили, что даже Александр Великий не пытался совершить ничего столь же

⁵ Библия Полиглотта – 8-томная Библия, изданная в 1568–1573 гг. в Антверпене. Рядом с основным текстом в ней помещен его перевод на несколько языков.

⁶ Имеется в виду рыцарский роман, созданный Гарей Родригесом де Монтальво в конце XV в.

безрассудно смелого, как захват Мехико силами четырехсот солдат⁷, Кортес сказал им, что в истории будут рассказывать о них более великие вещи, чем о военачальниках древности. Были и более сомнительные сравнения, конечно. Кортес не мог пропустить аналогию между Куаутемоком и Верцингеторигом⁸; *vae victis* (лат. горе побежденным). Но Кортес подобно Цезарю сделал себе репутацию учтивого, дипломатично снисходительного и расчетливого человека и сильно рисковал, когда останавливал своих союзников индейцев, когда те начинали резню побежденных ацтеков. Берналь Диас – каждый историк конкисты неизбежно возвращается к этому честному старому воину (ок. 1492 – ок. 1593) – гордился не родовой знатностью, а тем, что принимал участие в ста девятнадцати сражениях, что более чем вдвое превышало число сражений Юлия Цезаря, и, подобно великому римлянину, желал – как он сам объясняет – описывать свои собственные подвиги, равно как и подвиги Кортеса, «в форме записок и рассказов... прославленных солдат, которые участвовали в войнах в былые времена, чтобы мои дети, внуки и потомки могли сказать: «Мой отец открыл и завоевал эти земли... и был одним из самых первых в рядах завоевателей». Это горячее стремление создать себе репутацию не ограничивалось, разумеется, испанцами. Оно было характерно для большинства первопроходцев разведывательных исследований любой национальности. Спокойная (хотя ее можно было избежать) смерть Хемфри Гилберта на борту судна «Сквиррел» была более поздним примером этого. Такие люди искали не только богатств, «каких желают все люди», не только заслуг в глазах Бога, но и славы среди своих соплеменников и в будущем.

С новым отношением к отдельной личности эпоха Возрождения воспитывала новое отношение, тоже итальянское по своим истокам, к государству. Чуткая осторожность, обдуманное объективное внимание ко всем самым эффективным и простым средствам достижения желаемой цели стали вытеснять старое понятие о государстве как сети установленных, освященных традициями прав и обязанностей во главе с монархом, который выступает как судья в спорах. Возникло понимание, что правительство может использовать силу против своих подданных или соседних владок, преследуя как рациональные интересы, так и в поддержку законных притязаний. Подобно многим итальянским правителям, Изабелла Кастильская была обязана своим положением на троне комбинации войны с дипломатией. Безжалостное восстановление общественного порядка и дисциплины было одним из ее главных достижений и большим вкладом в распространение авторитарных настроений в Кастилии. Для иллюстрации принципов управления государством, написанных Макиавелли, нет лучших образцов, чем правление Фердинанда Арагонского и Иоанна II Португальского. Верно, что это более гибкое отношение к монаршей власти и искусству управлять государством, этот культ государственной выгоды были ограничены, особенно в Испании, консервативным законодательством, равно как и неуступчивостью отдельных личностей. Тем не менее это отношение помогло подготовить умы людей к выполнению огромной задачи – политической и управленческой импровизации, с которой столкнулось правительство Испании в Новом Свете.

XV в. был замечателен внезапным ростом среди немногих талантливых и высокопоставленных людей неподдельной бескорыстной любознательности. Подобно стремлению к классическим знаниям (и, разумеется, связанная с ним), эта любознательность была одной из главных особенностей эпохи Возрождения. Сначала ее едва ли можно было назвать научной, так как она была беспорядочной и несистематической. Люди в эпоху Возрождения стремились скорее поглощать знания, нежели переваривать их, накапливать, а не отбирать их. Их любознательность гораздо сильнее проявлялась в исследовании, чем в систематизации, но она была всепоглощающей, живой, непринужденной. И пока она разъедала и постепенно ослабляла обще-

⁷ Имеется в виду первый поход на Теночтитлан в 1519 г.

⁸ Верцингеториг – предводитель восстания галлов против римлян Цезаря в 52–51 гг. до н. э. Сдался Цезарю после осады Алезии в 52 г. до н. э., казнен в 46 г. до н. э.

принятые средневековые системы знаний, она в то же время жадно и вдохновенно собирала информацию, из которой, в конечном счете, будут построены новые системы. Ее разделяли не только ученые, но и владыки, и люди дела в их окружении, особенно в Италии, но также и в Португалии и Испании. География и космография выделялись из всех предметов, но были и многие другие. Внимание, уделяемое исследованиям в области медицины в то время, особенно анатомии, хорошо известно. Менее явным, но также важным в развитии стремлений к открытиям является новое и более внимательное отношение к естественной истории. Насколько сильно исследователи и вдохновители исследований прямо и сознательно были движимы научной любознательностью, сказать невозможно на основе скудных сохранившихся данных, но на отношение исследователей к тому, что они видели, и на то, как принимали их сообщения в обществе на родине, сильное влияние оказывали эти новые настроения. Например, Берналь Диас был сильно впечатлен, но не особенно удивлен, увидев обширные коллекции растений и диких животных, содержавшихся при дворе Монтезумы; ботанические сады и зверинцы были широко распространенными увлечениями правителей в эпоху Возрождения. Ему казалось совершенно естественным, что и у Монтезумы такие же интересы. Альварадо, который поднялся к кратеру вулкана Попокатепетль (5465 м) отчасти для того, чтобы добыть серу для изготовления пороха, а отчасти из бравады и любопытства, сознательно или нет имитировал знаменитый подвиг Петрарки, совершившего восхождение (16 апреля 1335 г.) на гору Вента (Ванту) в Провансе в век, когда об альпинизме и слыхом не слыхивали. Одна из самых первых книг об Америке, написанная очевидцем событий Овьедо, «Общая история Индий» великолепно иллюстрирует этот интерес в эпоху Возрождения четким и подробным рассказом о животных и растениях. Выражением географического любопытства – бескорыстного желания узнать, что находится за горизонтом, было выдающееся произведение XV в. *De Orbe Novo* Петра Мартира (Пьетро Мариано Вермилли), написанное ученым-итальянцем, нашедшим родину в Испании.

Технические изобретения в XV в., не связанные непосредственно с использованием моря, служили расширению и популяризации этой растущей любознательности. Самым важным из них было, разумеется, книгопечатание, которое не только сделало возможным гораздо более широкое распространение лоций, навигационных учебников и других пособий для грамотных моряков и не только разносило вести об открытиях гораздо быстрее, чем это могли сделать рукописи, но и способствовало быстрому росту читающей публики, а делая это, создало огромный спрос на сравнительно легкое чтение – чтение, предназначенное для грамотных, образованных людей, которые не были профессиональными учеными. Этот спрос удовлетворялся отчасти романами, но в основном рассказами о путешествиях – как реальных, так и выдуманных. Например, «Путешествия» Мандевилля в XV в. имели широкое хождение в рукописи среди людей, которые не были уверены в том, реальными или нет были путешествия, описанные в книге. Но позднее она распространилась еще шире в печатном издании и достигла наивысшей точки своей популярности во второй половине XVI в., когда уже заподозрили, что это фальсификация, и тогда ее читали главным образом для развлечения. Многие серьезные книги – *De Orbe Novo* Петра Мартира, *Paesi novamente ritrovati* Монталь-боддо, *Cosmographia universalis* Себастьяна Мюнстера (все они бестселлеры, выдержавшие много изданий) – широкая публика читала с таким же настроением; а еще позднее библиотека ни одного джентльмена не была полной без внушительных фолиантов *Grands Voyages* де Бри. Это лишь немногие из самых знаменитых среди сотен хорошо известных названий. Популярность книг о путешествиях и ссылок на дальние страны в пьесах и аллегориях была поразительной чертой литературной жизни XVI в. и во многом способствовала неуклонному росту интереса к исследованиям и открытиям.

Исследователи, инвесторы, которые отправляли их за моря, публика, которая аплодировала их подвигам и извлекала выгоду из их открытий, были побуждаемы сложной смесью мотивов и чувств. Поколения историков пытались разложить эту смесь по полочкам, выделить

в ней элементы, на которые можно навесить ярлык «средневековый», «эпохи Возрождения», «современный» и т. д.; но она так и остается смесью. Возрождение в общепринятом понимании этого слова было в основном достижением Средиземноморья, а разведывательные исследования – Атлантики. Заманчиво было бы описывать Иберийский полуостров, с которого отплывало большинство первых исследователей, как место, где соединились средиземноморские знания, любознательность и изобретательность и вдохновили храбрых и умелых на переход через Атлантику. В этом тезисе есть много правды, но это не полное объяснение, и, связывая друг с другом Возрождение и разведывательные исследования, мы должны проявлять осторожность и не предвосхищать события. Португальские капитаны выходили в Атлантику с целью разведать обстановку задолго до того, как итальянское Возрождение оказало серьезное влияние на культуру Иберийского полуострова. Большинство этих первых плаваний – по крайней мере, те из них, о которых остались записи, – предпринимались по приказу или при поддержке португальского принца Энрике (Генриха) Мореплавателя – самого известного из предшественников и вдохновителей разведывательных исследований. Воды между мысом Святого Винсента (Сан-Винсенти) на юго-западе Португалии, Канарскими островами и северо-западным побережьем Марокко были уже известны при его жизни отважным португальским рыбакам. Принц Энрике сделал своих собственных приближенных капитанами кораблей и поставил им задачу – достичь и пройти определенные географические объекты. Так, из привычки совершать повседневные выходы в море с целью рыбной ловли и торговли вдоль сравнительно короткой полосы побережья выросла программа последовательных, хотя и прерывистых исследовательских плаваний дальше на юг. Конечно, принц Генрих (Энрике) сам не выходил в море, разве что в качестве главнокомандующего в войне с мавританским государством со столицей в городе Фес⁹. Позднесредневековые представления о поведении, подобающем королевской особе, помешало бы принцу крови принимать участие, даже если он захотел бы, в длительных исследовательских плаваниях на небольших судах, плохо приспособленных для особы его положения. Его задачей было предоставить корабли, обеспечить поддержку, организацию и награду. Можно предположить, что по крайней мере официальные цели были продиктованы личными желаниями принца. Современник принца Энрике Зурара – летописец его достижений – перечисляет мотивы, которые побудили начать исследование западных берегов Африки, и утверждает, что первым из них было желание узнать, что находится дальше Канарских островов и мыса Бохадор. Однако нет и намека на научное или бескорыстное любопытство, цель была сугубо практической. Диогу Гомиш – один из капитанов принца Энрике – вполне определенно писал об этом. В его отчете о своих плаваниях он утверждал, что принц хотел найти страны, откуда шло золото, попадавшее в Марокко по путям, проходившим через пустыню, чтобы «торговать с ними и таким образом содержать его двор». Снова знакомая формула: служи Богу и богатым. Вторым побудительным мотивом принца Энрике Зурара ставит желание открыть новые выгодные виды торговли, но настаивает, что торговля должна быть налажена только с христианскими народами, которых исследователи надеялись встретить за пределами страны мавров. Это была обычная средневековая теория. Хотя некоторые борцы за чистоту нравов полагали, что любая торговля несовместима с рыцарским званием, считалось законным лишать нехристи – ан ресурсов для разжигания войны косвенными средствами, если прямыми средствами цель не была достигнута. Третьей, четвертой и пятой целями принца, которые упоминает Зурара, были обычные цели Крестового похода: собрать сведения о силе мавров, обратить неверных в христиан и попытаться заключить союз с любыми христианскими правителями, которые, возможно, им встретятся. К этому времени по Африке распространилась старая легенда о пресвитере Иоанне, подпитываемая, без сомнения, слухами о коптском королевстве Абисси-

⁹ Имеется в виду поход на Сеуту в 1415 г. В это время в Марокко правила династия Маринидов (с 1195 по 1470 г.).

ния, и надежда вступить в контакт с каким-нибудь таким правителем связывала исследование Африки в прежними средиземноморскими Крестовыми походами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.